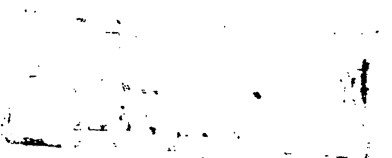
СВЯЩЕННИКЪ

ГАПОНЪ

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
Шарлоттенштрассе 2.


103374

Русскій народъ объявилъ, наконецъ, войну царю и его опричникамъ. Весь сермяжный людъ, крестьяне и рабочіе, подымается по всѣмъ мѣстамъ и концамъ Россіи, чтобы освободить себя изъ тяжкаго плѣна, въ которомъ онъ пребывалъ вѣками у русскаго царя съ его чиновничествомъ и солдатчиной. Эта разбойническая шайка довольно ужъ грабила русскій народъ, выжимала изъ него послѣднюю копейку, ругалась надъ женщинами и дѣтьми, засѣкала и разстрѣливала мужчинъ и держала въ ужасѣ всю землю русскую. Довольно! Теперь у русскаго народа все отнято, все поругано, ему терять нечего, а слѣдовательно и бояться нечего. Страхъ исчезъ, осталась одна рѣшимость: или побѣдить, или умереть въ бою.

И вотъ мы видимъ, какъ по всей Россіи

Рать подымается
Неисчислимая,
Сила въ ней скажется
Несокрушимая . . .

Сигналомъ послужили январскія событія въ Петербургѣ. Спичкой, которая зажгла пожаръ, оказалась стачка на Путиловскомъ заводѣ, поводомъ къ которой послужило увольненіе четырехъ рабочихъ, состоявшихъ членами „С.-Петербургскаго Общества фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ". Предсѣдателемъ этого общества былъ священникъ Георгій Гапонъ, самъ сынъ народа и вѣрный другъ его. Онъ пользовался большой любовью у петербургскихъ рабочихъ. 3-го января, въ понедѣльникъ началась стачка, а въ пятницу стояло въ рядахъ ея уже около 150,000 рабочихъ изъ всѣхъ различныхъ фабрикъ и заводовъ. Забастовка сдѣлалась всеобщей.

И тогда у отца Гапона явилась мысль повести всю эту массу къ Зимнему Дворцу, къ царю и передать ему прошеніе отъ всѣхъ петербургскихъ рабочихъ объ улучшеніи ихъ судьбы.

Въ прошеніи этомъ говорилось слѣдующее:

Государь!

Мы, рабочіе и жители г. Петербурга, наши жены, дѣти и безпомощные старцы-родители пришли къ тебѣ, Государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, насъ угнетаютъ, обременяютъ непосильнымъ трудомъ, надъ нами надругаются, въ насъ не признаютъ людей, къ намъ относятся, какъ къ рабамъ.

Мы и терпѣли, но насъ толкаютъ все дальше и дальше въ омутъ нищеты, безправія и невѣжества; насъ душатъ деспотизмъ и произволъ и мы задыхаемся. — Нѣтъ больше силъ, Государь. Насталъ предѣлъ терпѣнію.

Для насъ пришелъ тотъ страшный моментъ, когда лучше смерть, чѣмъ продолженіе невыносимыхъ мукъ.

И вотъ мы бросили работу и заявили нашимъ хозяевамъ, что не начнемъ работать, пока они не исполнятъ нашихъ требованій. Мы немного просили. Мы желали того, безъ чего не жизнь, а каторга, вѣчная мука.

Первая наша просьба была, чтобы хозяева вмѣстѣ съ нами обсудили наши нужды, но и въ этомъ намъ отказали — въ правѣ говорить о нашихъ нуждахъ, находя, что за нами не признаетъ законъ такого права. Незаконны оказались также наши просьбы уменьшить число рабочихъ часовъ до 8 въ день и устанавливать цѣны на наши работы вмѣстѣ съ нами и съ нашего согласія, разсматривать

наши недоразумѣнія съ низшей администраціей завода, назначить чернорабочимъ и женщинамъ плату за ихъ трудъ не ниже 1 р. въ день, отмѣнить сверхурочныя работы, лечить насъ внимательно и безъ оскорбленія, устроить мастерскія такъ, чтобы въ нихъ можно было бы работать, а не находить тамъ смерть отъ страшныхъ сквозняковъ, дождя и снѣга, копоти и дыма.

Все оказалось, по мнѣнію нашихъ хозяевъ, противозаконно. Всякая наша просьба — преступленіе, а наше желаніе улучшить наше положеніе — дерзость, оскорбительная для нашихъ хозяевъ. Государь, насъ здѣсь больше 300,000 — и все это люди только по виду, только по наружности, въ дѣйствительности же за нами, какъ и за всѣмъ русскимъ народомъ, не признаютъ ни одного человѣческаго права, даже говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать мѣры къ улучшенію нашего положенія.

Всякаго изъ насъ, кто осмѣлится поднять голосъ — въ защиту интересовъ рабочаго класса — бросаютъ въ тюрьму, отправляютъ въ ссылку, карающъ, какъ за преступленіе, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожа-

лѣть рабочаго, безправаго, измученнаго человѣка, значитъ совершить тяжкое преступленіе.

Весь народъ рабочій и крестьяне отданы на произволъ чиновничьяго правительства, состоящаго изъ казнокрадовъ и грабителей, не только совершенно не заботящихся объ интересахъ народа, но попирающихъ эти интересы. Чиновничье правительство довело страну дополнаго разоренія, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведетъ Россію къ гибели. Мы даже не знаемъ, куда и на что деньги, собираемыя съ обнищавшаго народа, уходятъ. Народъ лишенъ возможности выражать свои желанія, требованія, участвовать въ установленіи налоговъ и расходованіи ихъ. Рабочіе лишены возможности организоваться въ союзы для защиты своихъ интересовъ.

Государь, развѣ это согласно съ божескими законами, милостью которыхъ ты царствуешь? Не лучше-ли умереть всѣмъ намъ — трудящимся людямъ всей Россіи? Пусть живутъ и наслаждаются капиталисты и чиновники-казнокрады, грабители русскаго народа. Вотъ что стоитъ передъ нами, Государь!

И это-то насъ и собрало къ стѣнамъ твоего дворца. Тутъ мы ищемъ послѣдняго спасенія. Не откажи же въ помощи твоему наноду, выведи его изъ могилы безправія, нищеты и невѣжества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось съ него невыносимый гнетъ чиновниковъ, разрушь стѣну между тобою и твоимъ народомъ и пусть онъ правитъ страной вмѣстѣ съ тобою. Вѣдь ты поставленъ на счастье народу, а это счастье чиновники вырываютъ у насъ изъ рукъ, къ намъ оно не доходитъ, мы получаемъ только горе и униженіе.

Взгляни безъ гнѣва внимательно на наши просьбы, они направлены не ко злу, а къ добру, какъ для насъ, такъ и для тебя, Государь. Не дерзость въ насъ говоритъ, а сознаніе необходимости выхода изъ невыносимаго для всѣхъ положенія. Россія слишкомъ велика, нужды ея слишкомъ многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы самъ народъ помогалъ себѣ, вѣдь ему только извѣстны истинныя его нужды. Не отталкивай же его помощи: прими ее, повели немедленно, сейчасъ же призвать представителей земли

русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій. Пусть тутъ будетъ и крестьянинъ, и рабочій, и священникъ, и капиталистъ, и учитель; пусть всѣ, кто бы они ни были, изберутъ своихъ представителей, пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія, — а для этого повели, чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобшей, тайной и равной подачи голосовъ. Эта самая главная наша просьба; въ ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для нашихъ ранъ, безъ котораго наши раны вѣчно будутъ сочиться и поведутъ насъ быстро къ смерти.

Но одна мѣра все же не можетъ залѣчить всѣхъ нашихъ ранъ; необходимы еще и другія, и мы прямо и открыто, какъ отцу, говоримъ тебѣ, Государь, о нихъ отъ лица всего трудящагося класса Россіи.

I. Мѣры противъ нищеты народной:

1) Передача земли народу и отмѣна выкупныхъ платежей: дешевый кредитъ.

2) Отмѣна косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прямымъ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ.

3) Исполненіе заказовъ военнаго и морского вѣдомствъ должны быть въ Россіи, а не заграницей.

4) Прекращеніе войны по волѣ народа.

II. Мѣры противъ невѣжества и безправія русскаго народа:

1) Немедленное возвращеніе всѣхъ пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія, за стачки и крестьянскіе безпорядки.

2) Немедленное объявленіе свободы инеприкосновенности личности, свобода слова, печати, собраній, совѣсти въ дѣлѣ религіи.

3) Всеобщее и обязательное народное образованіе на государственный счетъ.

4) Отвѣтственность министровъ передъ народомъ и гарантіи законности управленія.

5) Равенство передъ закономъ всѣхъ безъ исключенія.

6) Отдѣленіе церкви отъ государства.

III. Мѣры противъ гнета капитала надъ трудомъ:

1) Отмѣна института фабричныхъ инспекторовъ.

2) Учрежденіе при заводахъ и фабрикахъ постоянныхъ комиссій выборныхъ рабочихъ,

которыя совмѣстно съ администраціей разбирали бы всѣ претензіи отдѣльныхъ рабочихъ. Увольненіе рабочаго не можетъ состояться иначе какъ по постановленію этой комиссіи.

3) Свобода потребительно-производительныхъ и профессіональныхъ союзовъ немедленно.

4) 8-часовой рабочій день и нормировка сверхурочныхъ работъ.

5) Свобода борьбы труда съ капиталомъ немедленно.

6) Нормальная рабочая плата немедленно.

7) Непремѣнное участіе представителей рабочихъ классовъ въ выработкѣ законопроектовъ о государственномъ страхованіи рабочихъ немедленно.

Вотъ, Государь, наши главныя нужды, съ которыми мы пришли къ тебѣ; лишь при удовлетвореніи ихъ возможно освобожденіе нашей родины отъ рабства и нищеты, возможно ея процвѣтаніе, возможно организоваться рабочимъ для защиты своихъ интересовъ отъ новой эксплуатаціи капиталистовъ и грабящаго и душащаго народъ чиновничьяго правительства.

Повели и поклянись исполнить ихъ, и ты сдѣлаешь Россію и счастливой, и славной, а имя твое запечатлѣешь въ сердцахъ нашихъ и нашихъ потомковъ на вѣчныя времена; а не повелишь — мы умремъ здѣсь на этой площади передъ твоимъ дворцомъ. Намъ некуда дальше идти и незачѣмъ. У насъ только два пути: или къ свободѣ и счастью, или въ могилу. Укажи, Государь, любой изъ нихъ, — мы пойдемъ по немъ безпрекословно, хотя бы это и былъ путь смерти. Пусть наша жизнь будетъ жертвой для изстрадавшейся Россіи. Намъ не жалко этой жертвы, мы охотно приносимъ ее.

* * *

Кромѣ этого прошенія, отецъ Гапонъ написалъ слѣдующее письмо царю, прося его выслушать пожеланія своего народа.

Государь, не думай, что твои министры сказали тебѣ всю правду о современномъ положеніи. Народъ весь вѣритъ въ тебя; онъ рѣшилъ явиться завтра въ два часа пополудни къ Зимнему Дворцу, чтобы представить тебѣ свои нужды.

Если, въ нерѣшимости, ты не покажешься народу, ты порвешь нравственную связь, существующую между тобой и твоимъ народомъ. Довѣріе, которое онъ питаетъ къ тебѣ, исчезнетъ. И на этомъ мѣстѣ между тобой и народомъ прольется невинная кровь. Явись завтра передъ твоимъ народомъ и прими съ открытой душой нашу смиренную петицію. Я, представитель рабочихъ, и мои мужественные товарищи, — мы гарантируемъ неприкосновенность твоей личности.

* * *

Весь день 7-го и 8-го января во всѣхъ отдѣлахъ Русскаго Общества Рабочихъ шли непрерывныя собранія. Читалось въ нихъ прошеніе, составленное Гапономъ, собирались подписи, и рабочіе приглашались собраться 9-го, въ воскресенье утромъ, чтобы всей массой отправиться къ Зимнему Дворцу. На собраніяхъ этихъ царило большое воодушевленіе. Вотъ ораторъ-рабочій чуть ли не въ 10-ый разъ читаетъ петицію передъ все смѣняющимися рядами слушателей (залъ собраній вмѣщаетъ до 700 человѣкъ и весь онъ биткомъ набитъ) и обращается все съ тѣми же

вопросами: „смѣютъ ли полиція и солдаты не пустить насъ, товарищи?“, — „Не смѣютъ!“ гремятъ, въ отвѣтъ ему, 700 голосовъ. — „Товарищи!“, продолжаетъ ораторъ, „лучше умереть намъ за наши требованія, чѣмъ жить такъ, какъ жили до сихъ поръ!“ — „Умремъ!“ несется въ отвѣтъ. — „Всѣ ли клянитесь умереть?“ — „Клянемся!“ — „Кто клянется, пусть подыметъ руку“. Сотни рукъ дружно и стройно подымаются. — „Товарищи! а что тѣмъ, кто клянется умереть сегодня, а завтра струситъ и не пойдетъ съ нами?“ — „Проклятіе!“ гремитъ толпа.

Такъ русскій сермяжный людъ собирался идти къ своему царю съ послѣдней попыткой найти у него защиту и покровительство. Правда, уже давно русскій народъ сталъ сомнѣваться въ благожелательности къ нему со стороны русскаго царя, остававшагося всегда глухимъ къ его стонамъ и ходатайствамъ. „До бога высоко, до царя далеко“, — говоритъ русская пословица. Но теперь петербургскимъ рабочимъ было до царя близко, и у нихъ зародилась рѣшимость въ послѣдній разъ испытать царя — выслушаетъ ли и можетъ ли онъ „своему“ народу? — чтобы

послѣ этого знать разъ навсегда, безъ всякихъ колебаній — что о царѣ думать . . .

Уже наканунѣ рокового дня многими въ Петербургѣ овладѣло безпокойство. Въ городъ стянута была масса войскъ изъ Петергофа, Краснаго Села, Нарвы, Ревеля, Риги, Новгорода и др. мѣстъ. Цѣлые эскадроны расположились бивуаками у всѣхъ заставъ. Но арестовъ не было.

Настало воскресенье, 9-е января, великій историческій день Россіи. Всѣ жители Петербурга, проснувшись утромъ, стали замѣчать на улицахъ что-то недоброе. Городъ принялъ характеръ военнаго лагеря. По всѣмъ направленіямъ шли полки каваллеріи и пѣхоты, артиллерія, походные лазареты, кухни. Шла вся гвардія. Казаки конвоя „Его Величества“ (красные) и атаманскіе (синіе). По направленію ко всѣмъ окраинамъ была отправлена не только каваллерія, но и пѣхота. Площадь Зимняго Дворца была окружена артиллеріей, каваллеріей и пѣхотой. На всѣхъ главныхъ перекресткахъ, на Лиговкѣ, на Дегтярной, на Сѣнной, на Михайловской и т. д., были расположены войска. Всѣ мосты черезъ Неву были заняты войсками. Особенно много было

ихъ у Троицкаго моста: и казаки, и уланы, и новгородскіе драгуны; тутъ же стояли гренадеры, да въ двухъ дворахъ устроены были засады. Изъ Петропавловской крѣпости на мостъ, соединяющій ее съ материкомъ, выкачены были 3 пушки. Даже самая крѣпость приведена была въ боевое состояніе: пушки заряжены, засовы и замки у воротъ и помѣщеній заранѣе замѣнены новыми, — начальство боялось, что народъ кинется въ арсеналъ добывать себѣ оружіе. Военными дѣйствіями распоряжался великій князь Владиміръ, но формально приказанія шли отъ князя С. И. Васильчикова. Конокъ никакихъ не было.

Въ Невскомъ районѣ къ 9-ти часамъ собралась огромная толпа народу. Улицы кишѣли рабочими. Ровно въ 9 часовъ толпа двинулась въ городъ, растянувшись версты на двѣ, не особенно густо. Пройдя версты полторы, она была встрѣчена заставой изъ 120 козаковъ. Часть была спѣшившись, часть сидѣла на коняхъ со сверкавшими на солнцѣ шашками. Толпа остановилась. Образовался плотный заторъ тысячъ изъ пяти. Остальные растянулись позади. Изъ толпы вышли ра-

бочіе и начали просить офицера пропустить, на что тотъ отвѣтилъ: „никакъ нельзя, разойдитесь!“ Не мало длились переговоры. Одинъ старикъ бросилса на колѣни и сталъ раздирающимъ душу голосомъ просить солдатъ пропустить ихъ, не стрѣлять: указывалъ, что они сами были и будутъ рабочими. Когда ничто не помогло, онъ бросился въ толпѣ на колѣнахъ и призывалъ всѣхъ умереть, исполнить клятву. Одинъ моментъ запѣли даже „Коль славенъ“, но это было прекращено во время. Разстояніе между народомъ и войсками было такъ незначительно, что, размахивая шашками, не двигаясь съ мѣста, казаки ранили 3 человѣкъ. Когда казалось, что вотъ, вотъ казаки бросятся, вся толпа легла на землю. Наконецъ, офицеръ велѣлъ стрѣлять и было дано три залпа. Всѣ упали, но никто не былъ раненъ. Очевидно, либо залпы были холостые, либо было роздано лишь немного боевыхъ патроновъ и солдаты стрѣляли вверхъ. Впечатлѣніе отъ залповъ получилось удручающее. Толпа не рѣшалась броситься впередъ, видя штыки и шашки и начала подаваться обратно. Многіе, особенно одинъ старикъ, негодующе кидались въ дрогнувшей толпѣ и гнали остав-

шихъ идти впередъ. Такъ продолжалось около часу. Можно было ожидать еще залповъ. Офицеръ, однако, сваимъ правомъ не воспользовался и лишь стоялъ непоколебимо на томъ же мѣстѣ. Тогда рѣшено было идти окольными путями; многіе бросились впередъ на Неву и огромное большинство прошло въ городъ.

Но главное шествіе было черезъ Нарвскую заставу, гдѣ толпа рабочихъ двинулась къ Зимнему Дворцу съ иконами, хоругвями, портретомъ царя, имѣя во главѣ своего излюбленнаго вождя, Гапона, въ священническомъ облаченіи и съ прошеніемъ въ рукахъ. Рабочіе шли со своими женами и дѣтьми.

Вся толпа была мирно настроена, не было вооруженныхъ. Можно было подумать, что къ царю шли съ крестнымъ ходомъ.

И вотъ тутъ-то сказалась со всею яркостію, со всею неопровержимою убѣдительностью, до какой степени ни къ чему не пригодно современное самодержавіе съ его верховнымъ представителемъ, до какой омерзительной степени лишено оно и человѣческаго смысла, и человѣческаго чувства; какъ оно позорно трусливо и подло-жестоко. Царь лично рѣши-

тельно ничѣмъ не рисковалъ, если бы вышелъ на балконъ Зимняго Дворца и, призвавъ къ себѣ представителей рабочихъ, лично переговорилъ съ ними. Въ толпѣ, какъ показали событія, вовсе не было никакого оружія. Но для трусливой душонки Николая II одна необходимость стать лицомъ къ лицу съ рабочимъ людомъ, имѣющимъ опредѣленныя желанія, оказалась до того страшною, что онъ позорно спрятался въ Царскомъ Селѣ, а на „свой народъ“ — безоружный и заботливо старавшійся всячески облегчить ему выполненіе его обязанности, — на этотъ „свой народъ“ онъ наступилъ свору своихъ, не знающихъ ни чести, ни совѣсти, ни жалости, собакъ. Гапону и рабочимъ загородили дорогу войска. Произошли тамъ, какъ и за Невской заставой, переговоры съ солдатами и офицеромъ, а затѣмъ пальба. Выступилъ одинъ гимназистъ, обнявшись съ рабочимъ, сказалъ рѣчь, и оба были убиты. Дано было всего 5 боевыхъ залповъ. Гапонъ упалъ, но не былъ даже раненъ и его унесли и спрятали.

Когда войска начали стрѣлять, раздалась команда среди рабочихъ: „ложись!“ Всѣ легли,

за исключеніемъ хоругвеносцевъ. Раздалась команда и начали стрѣлять по лежавшимъ. Хоругвеноносцы держались, пока всѣ не пали отъ выстрѣловъ. Были разстрѣляны хоругви, кресты, иконы . . . „Православіе разстрѣляли", говорила одна старуха.

Тоже самое происходило приблизительно во всѣхъ районахъ: стрѣляли въ толпу, шедшую съ Петербургской стороны къ Троицкому мосту, гдѣ ихъ встрѣтили солдаты. Стрѣляли у Литейнаго моста и на Васильевскомъ Островѣ. Всюду, кромѣ Невскаго района, офицеры воспользовались своимъ правомъ стрѣлять боевыми патронами и всюду было много убитыхъ.

Хотя рабочихъ изъ окраинъ не пустили въ городъ, но въ самомъ Питерѣ ихъ оказалось довольно много. Съ утра они начали собираться на Невскій и ко дворцу. На Дворцовой площади былъ положительно военный лагерь. Все время публика безпрепятственно собиралась на Невскій, только близко ко дворцу не давали подходить. Вдругъ, въ 2 часа, безъ всякаго предупрежденія, раздаются выстрѣлы у Дворцовой площади и валится на землю цѣлая масса убитыхъ. Тоже

самое произошло въ нѣсколькихъ мѣстахъ на Невскомъ. Офицеры и солдаты неистовствовали. Въ одномъ мѣстѣ перебита кучка въ нѣсколько человѣкъ, прижавшихся къ стѣнѣ. Одинъ уцѣлѣлъ. Онъ выходитъ впередъ, разстегиваетъ пальто, подставляетъ грудь и говоритъ демонстративно: „Вотъ, стрѣляйте!“ Раздается выстрѣлъ и онъ падаетъ мертвымъ, пораженный въ грудь. Пристрѣливали падавшихъ. Но не смотря на всѣ ужасы, паники среди публики, а въ особенности среди рабочихъ, не было. Въ одномъ мѣстѣ разстрѣливали, а въ десяти шагахъ оттуда собирался народъ и говорились рѣчи. Когда проѣзжали солдаты, то раздавались крики отовсюду: „Убійцы, палачи, опричники, воронье!“ О первомъ днѣ и говорить нечего. Тогда на каждомъ перекресткѣ только и говорилось: „нѣтъ у насъ царя, что это за царь!“ По Невскому, при видѣ войска, простыя женщины кричали: „Отъ японцевъ побѣжали, а на насъ свою храбрость показываете“ . . . и т. п. въ такомъ же родѣ. Проходишь по улицѣ и видишь кучку людей. Въ центрѣ стоитъ чуйка и, размахивая руками, кричитъ: „Какъ царь съ нами, такъ и мы съ

царемъ! Онъ хочетъ, чтобъ мы за него умирали въ Манчжуріи . . . пускай теперь дожидается“ . . .

Въ центрѣ города: на Дворцовой площади, у Сената, на протяженіи всего Невскаго, по Морской, ул. Гоголя, Мойкѣ, на Конюшенныхъ и въ другихъ мѣстахъ до самой ночи, все время раздавались ружейные залпы, послѣдствіемъ которыхъ явилась масса жертвъ. Нельзя не обратить вниманія на одно обстоятельство. Современныя пули называютъ гуманными, потому что онѣ убиваютъ только тогда, когда попадаютъ въ такіе жизненные органы, какъ мозгъ, сердце и т. п. Между тѣмъ, пули, употребленныя русскимъ правительствомъ противъ своего народа, дѣлали чудовищныя разрушенія; даже входное отверстіе громадно, а выходное, разворачивающее весь черепъ и выбрасывающее мозгъ, производитъ прямо ужасающее впечатлѣніе. „Послѣ залпа на Дворцовой площади“, пишетъ одинъ очевидецъ, „мнѣ самому пришлось видѣть такія пораненія, что невольно являлось предположеніе, не была-ли употреблена въ дѣло картечь. Между тѣмъ, пушекъ на площади нигдѣ не было видно и, если они были, то

были скрыты. Пушечныхъ выстрѣловъ тоже не было слышно.

Трупы послѣ бойни наваливались безъ всякаго счета на телѣги, запихивались въ какія то пустыя бочки и отправились неизвѣстно куда. Особенно много убитыхъ было въ такихъ мѣстахъ, гдѣ солдатамъ оказывалось какое нибудь сопротивленіе, какъ напр., на баррикадахъ Васильевскаго Острова. Однако и тамъ, гдѣ не только не было, но и не могло быть отпора, или называющихъ дѣйствій, кровопролитіе было страшное и притомъ истинно звѣрское. У Александровскаго сада и въ самомъ саду убито множество дѣтей. „По Гороховой", разсказываетъ очевидецъ, „грудами везли ихъ, и почти у всѣхъ на личикахъ застывшая улыбка . . . Смерть для этихъ бѣдняжекъ была такъ неожиданна! Они и мысли не имѣли о возможности стрѣльбы! У адмиралтейства, напримѣръ, всѣ они изъ любопытства повыскакали впередъ . . . Все это казалось имъ страшно забавно, они взбирались на заборы, на деревья, и первые-же поплатились за довѣріе. Нашелся звѣрь фельдфебель, который, по окончаніи уже общей стрѣльбы, выпросилъ у офицера позволенія

„снять мальчика съ дерева“ . . . И снялъ!“ Далъ это разрѣшеніе капитанъ Преображенскаго полка Н. Н. Мансуровъ. Къ чести солдатъ надо сказать, что и между ними были люди: послѣ перваго залпа на дворцовой площади тотъ-же Мансуровъ приказалъ осмотрѣть ружья и восемь оказались неразряженными; всѣ восемь солдатъ были тотчасъ-же арестованы. Полки Егерскій и Московскій не срѣляли вовсе, потому что офицеры ихъ не находили нужнымъ пускать въ дѣло оружіе.

Надо отмѣтить еще одну подлую черту въ кровавыхъ событіяхъ „Краснаго Воскресенья“: стремленіе свирѣпствовавшихъ войскъ не отдавать раненныхъ, изувѣченныхъ и убитыхъ сочувствовавшей публикѣ. „Эти звѣри“, пишетъ одинъ студентъ, участникъ событій, бывшій у Полицейскаго моста, „съ бою отнимали у всѣхъ и раненныхъ и, даже, тѣла убитыхъ, сами же кучами развозили ихъ по участкамъ и только въ исключительныхъ случаяхъ доставляли въ больницы. Захватить кого нибудь, отвоевать — было очень трудно“. Этотъ самый студентъ, вмѣстѣ съ девятью другими товарищами, дѣятельно помогалъ

жертвамъ бойни; и однако этой кучкѣ самоотверженныхъ молодыхъ людей удалось всего двоихъ изувѣченныхъ свезти въ Обуховскую больницу, да нѣсколькихъ раненныхъ еще державшихся на ногахъ, передать товарищамъ — рабочимъ.

Безстрашіе рабочихъ, презрѣніе ихъ къ смерти — поразительно. Разбѣгаясь въ разныя стороны при залпахъ, они вновь и вновь стекались на тѣ же мѣста для того, чтобы вылить накопившуюся злобу противъ солдатъ-братоубійцъ и лишенныхъ всякаго чувства чести офицеровъ, приказывавшихъ стрѣлять въ толпу. На Морской народъ стоялъ группами, человѣкъ по 200—300—500, среди которыхъ было не мало интеллигентовъ. Посреди каждой такой толпы можно было замѣтить на тумбѣ оратора. Почти всѣ они были рабочіе; былъ и одинъ студентъ.

Интересное зрѣлище представлялъ собою Васильевскій Островъ, гдѣ населеніе отличается вообще революціоннымъ духомъ и стойкойстью убѣжденій. Представленіе депутатовъ на Дворцовой площади назначено было къ двумъ часамъ. Къ 12 часамъ Большой и Малый проспекты, частью Средній съ линіями

(улицами) Первой по Восьмую были полны народомъ. Недалеко отъ выхода на Дворцовый мостъ и на Николаевскій мостъ были поставлены сильные отряды уланъ и казаковъ. Толпа безпрепятственно дошла до заставы и заявила, что она должна пройти, что „намъ назадъ ходу нѣтъ", „такъ или иначе подохнемъ". Казаки стояли на разстояніи какихъ нибудь 2-хъ сажень отъ густой толпы. И вдругъ безъ предупрежденія вскрикъ — команда „руби" и конница стремглавъ врѣзывается въ живую стѣну и прорубаетъ и протаптываетъ въ ней широкую дорогу. Часть прорвавшихся рабочихъ встрѣчаетъ второй строй, а дворники и городовые добиваютъ ихъ въ узкихъ переулкахъ около университета, таможни и т. д. Это была изступленная, дикая бойня, въ которой, какъ и во всей экспедиціи, плѣнныхъ не полагалось. Оттѣсненная толпа начала отступать, не смотря на приглашеніе одиночекъ: „идемъ, товарищи, впередъ, не трусьте! Смотрите, я первый лягу за народъ". И съ голыми руками люди дѣлали попытку снова пройти войска. Въ концѣ концовъ конечно — отступили. Отступили озлобленные, возмущенные. Тѣ, кто раньше хранилъ еще остатокъ вѣры

въ царя, отступили, обманутые въ своихъ надеждахъ.

Надо было чѣмъ нибудь сопротивляться, надобно было хоть какое нибудь оружіе. Оно было добыто изъ желѣзныхъ лавокъ и оружейной фабрики Шаффа, изъ которой взяли нѣкоторое количество клинковъ безъ рукоятокъ, длиннѣйшихъ сабель и т. д. Оно добыто отнятіемъ сабель у проѣзжавшихъ по своимъ дѣламъ офицеровъ, у полицейскихъ. Но все это было капля въ морѣ и ни одного ружья или револьвера, такъ что, когда были устроены уличные баррикады, ихъ, въ сущности, защищать было нечѣмъ.

Инстинктъ борьбы проявился однако ярко — главнымъ образомъ въ устройствѣ разныхъ заграждeній. Перерѣзанныя телеграфныя и телефонныя проволоки были протянуты поперекъ улицъ. На четвертой линіи были устроены баррикады, на которыхъ огромная, горячая, страстная толпа готова была умереть. На баррикадѣ развивалось два красныхъ знамени, на одномъ изъ которыхъ надпись: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ соціализмъ! П. С. Р.“ Тутъ же раздавались листки отъ Р. С. Д. Р. П.

Василеостровскихъ рабочихъ, какъ сказано, тоже не пускали въ городъ, такъ они у себя на островѣ говорили о своихъ требованіяхъ и пожеланіяхъ. Видя, что численность и настроеніе толпы все растетъ, офицеръ велѣлъ солдатамъ выстроиться. Онъ скомандовалъ, толпа тѣснѣе сомкнулась и выступила впередъ. Ружья засверкали въ одномъ стройномъ движеніи; толпа замерла; раздалось: „пли"! и... и ни одного выстрѣла! Во второй и третій разъ командовалъ офицеръ „пли!" и опять не раздалось ни одного выстрѣла. Тогда казаки стали напирать на толпу, но безъ употребленія нагаекъ, ибо они боялись, что солдаты будутъ стрѣлять имъ въ спину. Роту эту увели, а на ея мѣсто привели другую. (Отказались также стрѣлять нѣкоторые офицера Семеновскаго гвардейскаго полка, тѣ самые, которые послѣ казанской бойни 1901 года послали казачьимъ офицерамъ телеграмму: „поздравляемъ со славной побѣдой". Говорятъ, части этого полка были взяты подъ арестъ; но не весь полкъ, конечно, такъ какъ часть его преисправно стрѣляла у Полицейскаго моста по командѣ графа Сиверса). Одинъ студентъ, недавно выпущенный на волю, стоя въ пер-

выхъ рядахъ, высоко поднялъ знамя, въ него раздались выстрѣлы, но мимо, тогда онъ былъ поднятъ на штыки и тутъ же умеръ; затѣмъ началась пальба, пока „непріятель“ не отступилъ. Очевидцы говорятъ, что никогда не забудутъ той стойкости, съ которой второй рядъ выступалъ на мѣсто павшаго перваго; толпа была доведена до высшей точки гражданскаго мужества.

Баррикады строились съ рѣдкимъ воодушевленіемъ. Хотя предвзятаго плана не было, а пришедшая каждому въ голову мысль сейчасъ же обсуждалась и приводилась въ исполненіе тутъ же, но постройка шла удивительно хорошо. Большая часть строительнаго матеріала для баррикадъ была взята со двора строющагося дома противъ „рабочаго собранія“: шкафы, лѣстницы, дрова, доски, кирпичи, сани, бочки — все это быстро стаскивалось на улицу и баррикады росли все выше и выше, достигая роста человѣка. Такихъ баррикадъ во всю улицу было не менѣе восьми. Кто то предложилъ перерѣзать телефонныя проволоки, такъ какъ телефонъ служитъ незамѣнимымъ вспомогательнымъ средствомъ въ рукахъ правительства. Притащили лѣстницу, полѣзли на столбъ, и

въ короткое время, подъ несмолкаемые возгласы снизу: „скорѣе, скорѣе!“ — всѣ проволоки были перерѣзаны, за свѣшившіеся концы ухватились и стали раскачивать столбы, но они долго не поддавались. Достали пилу и, перебивая одинъ у другого, принялись пилить. Столбъ рухнулъ — его уложили на баррикаду. Опрокидываніе телефонныхъ столбовъ очень нравилось и вдохновляло публику. Паденіе каждаго изъ нихъ привѣтствовалось громкимъ „ура!“ Столбы повалили не только на Четвертой линіи, но и на Маломъ проспектѣ и на Шестой линіи. Посовѣтовали было перерѣзать провода электрическаго освѣщенія, но находившееся тутъ же электротехники убѣдили публику, что 200-вольтовый токъ можетъ надѣлать бѣдъ въ рядахъ самихъ протестантовъ.

Въ Понедѣльникъ, 10 января, Петербургъ имѣлъ видъ города, только что завоеваннаго непріятелемъ. По улицамъ постоянно проѣзжаютъ патрули казаковъ. Тамъ и здѣсь видны возбужденныя группы рабочихъ, которыхъ перегоняютъ съ мѣста на мѣсто ударами шашекъ. Всю ночь разъѣзжали съ мусоромъ и засыпали кровь. Вечеромъ много улицъ по-

гружено въ темноту. Электричества и газа нѣтъ. Аристократическіе дома охраняютъ отрядами дворниковъ. Горящіе газетные кіоски бросаютъ странное освѣщеніе на кучки народа. Дворцовая площадь — настоящій военный лагерь: костры, коновязи, вырвавшіяся, бѣгающія лошади, ружья въ козлахъ. На Невскомъ публика мрачно осматриваетъ расплывающіяся пятна крови на Мойкѣ, на Екатерининскомъ каналѣ; на площадкѣ передъ Александровскимъ садомъ, точно на бойнѣ, осклизлыя пятна. Слышится — „ну, этого не запорошишь, это не забудется!“ Проѣзжаетъ много каретъ, повидимому, съ арестованными.

Сколько всего было погублено народу въ Кровавое Воскресенье и два послѣдующія дня — въ точности никогда не будетъ извѣстно. По тайнымъ полицейскимъ свѣдѣніямъ, попавшихъ въ руки честныхъ людей, которые и опубликовали ихъ, убитыхъ насчитывается 1216 человѣкъ. Но это, конечно, не полная цыфра, такъ какъ нѣкоторые трупы и тяжело раненные были подобраны друзьями, правительство же торопилось поскорѣе скрыть слѣды своего преступленія и ему было не до точнаго счета. Въ больницахъ запрещено было

показывать всѣ трупы, а выставляли, для опознанія, только нѣкоторыя тѣла. Остальныя тщательно скрывались въ особыхъ тайникахъ. Въ ночь съ 10 на 11 января съ Николаевскаго вокзала отправлено три воинскихъ поѣзда, по восьми вагоновъ каждый, всѣ нагруженные трупами, спрятанными въ громадные ящики, въ каждомъ изъ которыхъ могло помѣщаться отъ 4 до 6 тѣлъ. Со стороны Колпина тоже подвозили трупы. Такъ что только на Преображенскомъ кладбищѣ надо считать сваленными въ братскую могилу не менѣе 1100 труповъ и это лишь въ одинъ день. Но хоронили также и въ другіе дни, тоже крадучись, и не на одномъ Преображенскомъ кладбищѣ. Много закопано на Успенскомъ; хоронили также на Митрофаньевскомъ и Смоленскомъ. Если когда либо Николаю II-му вздумается помолиться объ успокоеніи душъ, загубленныхъ имъ и его вѣрными собаками въ Кровавое Воскресенье, то ему придется повторить слова Ивана Грознаго: „и иныхъ многихъ убіенныхъ, ихъ-же имена, ты, Господи, вѣси".

Плодомъ царской побѣды надъ безоружнымъ народомъ было, какъ и слѣдовало ожидать, страшное озлобленіе рабочаго люда про-

тивъ царя и потеря вѣры въ него. Вотъ какъ выражено это настроеніе въ письмѣ священника Г. Гапона:

Родные, кровью спаянные
товарищи рабочіе!

Мы мирно шли 9-го къ царю за правдой. Мы предупредили объ этомъ его опричниковъ-министровъ, просили убрать войска, не мѣшать намъ идти къ нашему царю. Самому царю я послалъ 8-го письмо въ Царское Село, просилъ его выйти къ своему народу съ благороднымъ сердцемъ, съ мужественной душой. Цѣной собственной жизни мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. И что же? Невинная кровь все таки пролилась. Звѣрь-царь, его чиновники-казнокрады и грабители русскаго народа сознательно хотѣли быть и сдѣлались убійцами безоружныхъ нашихъ братьевъ, женъ и дѣтей. Пули царскихъ солдатъ, убившихъ за Нарвской заставой рабочихъ, несшихъ царскіе портреты, простріливали эти портреты и убили нашу вѣру въ царя.

Такъ отомстимъ же, братья, проклятому народомъ царю, всему его змѣиному царскому

отродью, его министрамъ и всѣмъ грабителямъ несчастной русской земли! Смерть имъ всѣмъ! Кто чѣмъ и какъ можетъ. Я призываю всѣхъ, кто хочетъ искренно помочь трудовому русскому народу свободно жить и дышать, на помощь. Всѣхъ интеллигентовъ, студентовъ, всѣ революціонныя организаціи (соціаль-демократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ), всѣхъ! Кто не съ народомъ, тотъ противъ народа!

Братья-товарищи, рабочіе всей Россіи! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пишу, чтобы накормить себя, своихъ женъ и дѣтей, и оружіе разрѣшаю вамъ брать, гдѣ и какъ сможете. Бомбы, динамитъ — все разрѣшаю. Не грабьте только частныхъ жилищъ и лавокъ, гдѣ нѣтъ ни ѣды, ни оружія; не грабьте бѣдняковъ, избѣгайте насилія надъ невинными. Лучше оставить десять сомнительныхъ негодяевъ, чѣмъ уничтожить одного невиннаго. Стройте баррикады. Громите царскіе дворцы и палаты, уничтожайте ненавистную народу полицію.

Солдатамъ и офицерамъ, убившихъ своихъ невинныхъ братьевъ, ихъ женъ и дѣтей,

всѣмъ угнетателямъ народа мое пастырское проклятіе!

Солдатамъ, которые будутъ помогать народу добиваться своей свободы, — благословеніе! Ихъ солдатскую клятву измѣнникуцарю, сознательно пролившему невинную народную кровь, не пожелавшему даже выслушать свой народъ, — ихъ солдатскую клятву разрѣшаю.

Дорогіе товарищи-герои, не падайте духомъ. Вѣрьте, скоро добьемся свободы и правды. Неповинно пролитая кровь тому порукой.

Перепечатывайте, перепечатывайте всѣ, кто можетъ, и распространяйте между собою и по всей Россіи это мое посланіе-завѣщаніе, зовущее всѣхъ угнетенныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ на Руси возстать на защиту своихъ правъ. Если меня возьмутъ, если разстрѣляютъ, продолжайте борьбу за свободу. Помните всегда данную мнѣ вами, сотнями тысячъ честныхъ рабочихъ, клятву. Боритесь, покуда не будетъ созвано Учредительное Собраніе на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго, тайнаго избирательнаго права, гдѣ бу-

дутъ избраны вами самими защитниками вашихъ интересовъ, выставленныхъ въ вашей петиціи измѣннику-царю. Да здравствуетъ грядущая свобода русскаго народа!

Свящ. Георгій Гапонъ.

Петербургъ, 1905 г. 9-го января, 12 час. веч.

Воскресный день 9-го января былъ воскресеніемъ русскаго народа, не только узнавшаго, но и пристально разглядѣвшаго, наконецъ, своего истиннаго врага. Теперь не можетъ быть уже никакихъ колебаній. Русскій народъ, а съ нимъ и всѣ одинаково замученныя русскимъ царемъ націи и племена — финляндцы, поляки, евреи, грузины, латыши и т. д. — всѣ подымутся, какъ одинъ человѣкъ, чтобы свергнуть съ себя постыдное и тяжелое иго. И мы видимъ уже, какъ вслѣдъ за Питеромъ подымаются всѣ города „россійской имперіи", а за городами, безъ сомнѣнія, послѣдуютъ и деревни.

Всеобщая стачка рабочихъ разлилась, подобно пожару, по всему западу, югу и востоку русской земли. Начиная съ такихъ крупныхъ центровъ, какъ Москва, Вильно, Варшава, Лодзь, Рига, Минскъ, Кишиневъ, Могилевъ

губ., Баку, Батумъ, Саратовъ и кончая Ковно, Полоцкомъ, Бобруйскомъ, Витебскомъ, Ревелемъ, Либавой, Кутаисомъ, Сухумъ-Кале, Двинскомъ, Гомелемъ, Самарой, Далекимъ Томскомъ, еще болѣе далекими Читой, Иркутскомъ и другими, меньшими городами, — повсюду рабочій народъ заявилъ себя за одно со своими петербургскими братьями и сталъ готовиться къ послѣднему и рѣшительному бою. И близокъ уже день послѣдней, кровавой битвы, которая отвоюетъ русскому народу и его иноплеменнымъ братьямъ ихъ родную землю и волю.

Рать подымается неисчислимая,
Сила въ ней скажется несокрушимая...

Три посланія отца Георгія Гапона.

I.

Письмо къ Николаю Романову, бывшему царю и настоящему душегубцу Россійской Имперіи.

Съ наивной вѣрой въ тебя, какъ въ отца народа, я мирно шелъ къ тебѣ съ дѣтьми твоего же народа.

Ты долженъ былъ знать, ты зналъ это.

Неповинная кровь рабочихъ, ихъ женъ и дѣтей-малолѣтокъ, навсегда легла между тобой, о душегубецъ, и русскимъ народомъ. Нравственной связи у тебя съ нимъ никогда уже быть не можетъ. Могучую же рѣку сковать во время ея разлива никакими полумѣрами, даже въ родѣ Земскаго Собора, ты уже не въ силахъ.

Бомбы и динамитъ, терроръ единичный и массовой надъ твоимъ отродьемъ и грабителями безправнаго люда, народное вооруженное возстаніе, — все это должно быть и будетъ непремѣнно. Море крови, какъ нигдѣ, прольется.

Изъ-за тебя, изъ-за твоего всего дома — Россія можетъ погибнуть. Разъ навсегда пойми все это и запомни. Отрекись же лучше поскорѣй со всѣмъ своимъ домомъ отъ русскаго престола и отдай себя на судъ русскому народу. Пожалѣй дѣтей своихъ и Россійскія страны, о ты, предлагатель мира для другихъ народовъ, а для своего — кровопійца.

Иначе, вся имѣющая пролиться кровь на тебя да падетъ, палачъ, и твоихъ присныхъ.

Георгій Гапонъ.

P. S. Знай, что письмо это — оправдательный документъ грядущихъ революціонно-террористическихъ событій въ Россіи.

Георгій Гапонъ.

20 (7) февраля 1905 г.

Письмо это въ подлинникѣ авторомъ отправлено царю.

II.

Воззваніе къ Петербургскимъ рабочимъ и ко всему россійскому пролетаріату.

Славные, незабвенные Путиловцы, и вы всѣ, милые, спаянные кровью товарищи-рабочіе г-Петербурга! Словное грозное море, вы всколыхнулись и съ рѣдкимъ единодушіемъ за свои права, за народную свободу возстали. На кровавомъ пиру вы героями явились. Вы безправную, бѣдную Русь къ новой жизни призвали. Брызги-ручьи крови вашей въ могучую революціонную волну обратились. Начало великой, настоящей революціи въ Россіи вы положили. Глаза всей Россіи, всего міра вы на себя обратили, герои, буревѣстники грознаго вооруженнаго возстанія народа. Именемъ свободы, счастья отечества и кровью вашихъ братьевъ, вашихъ женъ и дѣтей-малолѣтокъ заклинаю васъ — не падайте духомъ. Мужайтесь! На удочку и разныя заигрыванья, въ родѣ Земскаго Собора, убійцы-царя и его подлыхъ шакаловъ-министровъ, съ собачьей сворой чиновниковъ и капиталистовъ — не поддайтесь. Жизни и

близкаго счастья родины на чечевичную похлебку лицемѣрныхъ уступокъ кровопійцы царя не промѣняйте. До конца славнымъ вождемъ россійскаго пролетаріата въ борьбѣ за угнетенный обездоленный народъ останьтесь. Данной мнѣ своей клятвы мести и свободы — не преступайте. Полнаго удовлетворенія требованій своей петиціи кровопійцѣ-царю во что бы то ни стало добейтесь — и тѣмъ своимъ братьямъ-героямъ, погибшимъ и проливших свою кровь за васъ, вѣчный и нерукотворный памятникъ создайте.

Товарищи-рабочіе Петербурга и весь россійскій пролетаріатъ! Хотите-ли вы близкой побѣды? Такъ безъ различія партій, вѣры и національности, — объединитесь. Честной и отзывчивой учащейся молодежи-студентамъ и всѣмъ друзьямъ-интеллигентамъ руку подайте. Людей дѣла на пользу народа привлекайте. Болтуновъ избѣгайте. Пропагандой и подготовкой (организаціей) вооруженнаго возстанія немедленно, не ожидая — сами займитесь. Пусть голосъ вашъ, подобно грозному рокоту волнъ бушующаго моря, во всѣхъ концахъ этой вѣстью близкаго возстанія раздастся. Весь

трудящійся людъ и всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ на месть, защиту и свободу пусть онъ, могучій, будитъ. Съ солдатами и казаками по возможности въ сношеніе и общеніе входите, на помощь себѣ и вамъ, ихнимъ братьямъ, зовите. — „Чѣмъ на поляхъ чужой, далекой Манчжуріи за убійцу-царя, голодая, сражаться, или своихъ отцовъ, матерей, сестеръ и братьевъ убивать здѣсь, въ Россіи, — лучше на улицахъ городовъ и деревень за свободу и счастье свою кровь проливать“ — имъ говорите. Шпіоновъ, провокаторовъ, убѣждающихъ идти на уступки, гоните, въ случаѣ предательства — убивайте. Святѣйшій Сѵнодъ, „Божіею милостью“ смиренно-наглыхъ лгуновъ митрополитовъ и епископовъ, прислуживающихъ убійцамъ, казнокрадамъ и грабителямъ русскаго народа, клеящущихъ и проклинающихъ меня и вашихъ братьевъ, что проливаютъ кровь за народную свободу — презирайте. Поповъ, умѣющихъ только обирать народъ, а не служить ему, — замазывающихъ только небесной паутиной ваши земныя язвы — не слушайте.

Организаціей боевыхъ рабочихъ дружинъ сами займитесь. Кто со смѣлымъ сердцемъ и

мужественной душой — иниціаторомъ и атаманомъ да будетъ. Чтобы вооружиться, фондъ мести и свободы по городамъ и районамъ создавайте. Планъ своей мѣстности изучайте. Владѣть оружіемъ учитесь. Негодяевъ, виновныхъ въ пролитіи крови вашихъ братьевъ, по возможности не смущаясь, уничтожайте. Самое главное — проклятому правительству, этой шайкѣ разбойниковъ и грабителей народныхъ, опомниться не давайте. Для этого: министровъ, градоначальниковъ, губернаторовъ, исправниковъ, городовыхъ, полицейскихъ стражниковъ, жандармовъ, генераловъ и офицеровъ, приказывающихъ въ васъ стрѣлять — убивайте. Вооруженныхъ демонстрацій, мѣстныхъ возстаній, стачекъ также не забывайте. Всѣ мѣры къ тому, чтобы настоящее оружіе и динамитъ въ большомъ количествѣ во время у васъ были — знайте — что приняты. По указанію боевого комитета мести, защиты и свободы народной, какъ одинъ человѣкъ, по всему лицу земли русской — возстаньте. Жизнь городовъ немедленно тогда пріостанавливайте. Для этого: водопроводы, газопроводы, телефоны, телеграфы, освѣщеніе, конки, трамваи, желѣзныя

дороги — уничтожайте. Полицейскіе участки, дворцы и палаты, градоначальства, правительственныя учрежденія — разрушайте. Узниковъ освобождайте, тюрьмы царскія разрушайте. Частныхъ жилищъ и лицъ только не трогайте.

Общій боевой планъ возстанія у комитета вашего, мстителя и защитника, какъ можно скорѣе выработанъ будетъ. Сверженіе самодержавія, временное революціонное правительство; немедленное освобожденіе всѣхъ борцовъ за политическія и религіозныя убѣжденія, немедленное вооруженіе всего народа и немедленный созывъ Учредительнаго Собранія (съ непремѣннымъ участіемъ представителей отъ рабочихъ) на основаніи всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права — ближайшая цѣль вооруженнаго возстанія.

Товарищи-рабочіе всей Россіи! Сердцемъ, душой и кровью меня съ вами судьба связала. Съ мѣста, покрытаго трупами, политого кровью, противъ моей воли вырвала. На отмщеніе за васъ и на горячую работу въ пользу вашу меня сохраняла. Духомъ — а

когда наступитъ время, и тѣломъ — я всегда съ вами. Горе ваше — мое горе. Счастье ваше — мое счастье. Вѣрьте же мнѣ — близокъ часъ побѣды! Часъ полнаго отмщенія за все угнетеніе и униженіе наступаетъ. Больше — онъ уже наступилъ. Месть надъ змѣинымъ царскимъ отродьемъ (великій князь Сергѣй) героями соціалистами-революціонерами совершилась и неуклонно, усиливаясь, совершаться будетъ. Не посрами же себя, весь трудящійся, рабочій людъ! Къ дѣлу же, русскій угнетенный, трудовый, несчастный народъ — рабочіе, крестьяне, горожане — всѣ! Терять нечего, хуже уже быть не можетъ, а пріобрѣсти все можешь! Возврата нѣтъ. Свобода во что бы то ни стало! Впередъ же, въ бой, товарищи-герои! Разобьемъ свои оковы рабства! Разорвемъ паутину, въ которой бьется готовый умереть безправный русскій народъ! Раздавимъ внутреннихъ кровожадныхъ пауковъ нашей дорогой родины (внѣшніе же не страшны намъ). Разобьемъ правительственный насосъ, выкачивающій послѣднія капли крови нашей. Возвратимъ матьсыру-землю обнищавшему народу.

Впередъ, впередъ, товарищи-герои! Слава и настоящая жизнь ждутъ васъ, лавровымъ вѣнкомъ васъ вѣнчаетъ вся Россія, весь міръ.

Георгій Гапонъ.

P. S. Переписывайте, перепечатывайте, распространяйте между собой и по всей Россіи.

20 (7) февраля 1905 г.

III.

Открытое письмо къ соціалистическимъ партіямъ Россіи.

Кровавые январскіе дни въ Петербургѣ и въ остальной Россіи поставили лицемъ къ лицу угнетенный рабочій классъ и самодержавный режимъ съ кровопицей-царемъ во главѣ. Великая русская революція началась. Всѣмъ, кому дѣйствительно дорога народная свобода, необходимо побѣдить или умереть. Въ сознаніи важности переживаемаго историческаго момента, при настоящемъ положеніи вещей, будучи, прежде всего, революціоне-

ромъ и человѣкомъ дѣла, я призываю всѣ соціалистическія партіи Россіи, немедленно войти въ соглашеніе между собой и приступить къ дѣлу вооруженнаго возстанія противъ царизма. Всѣ силы каждой партіи должны быть мобилизованы. Боевой техническій планъ долженъ быть у всѣхъ общій. Бомбы и динамитъ, терроръ единичный и массовой, — все, что можетъ содѣйствовать народному возстанію. Ближайшая цѣль — сверженіе самодержавія, временное революціонное правительство, которое немедленно провозглашаетъ амнистію всѣмъ борцамъ за политическую и религіозную свободу — немедленно вооружаетъ народъ и немедленно созываетъ Учредительное Собраніе на основаніи всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права. Къ дѣлу, товарищи! Впередъ, на бой! Повторимъ же лозунгъ петербургскихъ рабочихъ 9-го января — свобода или смерть! Теперь всякая проволочка и неурядицы — преступленіе передъ народомъ, интересы котораго вы защищаете. Отдавъ всѣ свои силы на службу народу, изъ нѣдръ котораго я самъ вышелъ (сынъ крестьянина), — безповоротно связавъ свою судьбу съ борьбой противъ угнетателей

и эксплуататоровъ рабочаго класса, я, естественно, всѣмъ сердцемъ и всей душой буду съ тѣми, кто займется настоящимъ дѣломъ настоящаго освобожденія пролетаріата и всей трудящейся массы отъ капиталистическаго гнета и политическаго рабства.

Георгій Гапонъ.

